

УДК 316.422(470+571)

Л.В. Поляков
ОСМЫСЛИВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЮ

ПОЛЯКОВ Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой общей политологии Государственного университета — Высшая школа экономики. E-mail: leopol@alterlan.ru

Статья посвящена выявлению и анализу различных смыслов понятия «модернизация», ставшему одним из ключевых в современном российском политическом дискурсе. Различение этих смыслов важно, поскольку каждый из них задает определенную проблематику и набор целей для модернизационного процесса. Модернизация определяется автором как самокритичная оценка нынешнего состояния страны и свободное самоопределение россиян в качестве политической нации «русских». В конечном счете модернизацию предлагается понимать как средство самоконструирования нации и гарантию будущего для России.

Ключевые слова: модернизация, идентичность, нация, ресурсная экономика, коррупция, патернализм, национальный психотип, контрэлита, демократизация.

Термин «модернизация», выдвинутый сегодня в центр социально-политического дискурса, представляет собой своеобразную семантическую ловушку. Оперировать им без понимания заложенных смыслов методологически опасно и содержательно контрпродуктивно. Имманентные смыслы так или иначе будут проступать сквозь беззаботные построения, приводя модернизационный дискурс к саморазрушению.

Но проблема не только в том, что в рассматриваемом термине уже присутствуют некоторые смыслы. Он открыт различным интерпретациям, отражает живую жизненную потребность, через него сама наша жизнь как бы пытается идентифицировать себя. Попытаемся выяснить уже готовые смыслы, а также предположить те, которые в термине «модернизация» еще не раскрыты.

1 Первоисточник. Идеология как утопия

Термин «модернизация» — key-word американского проекта «перехвата» у СССР инициативы в борьбе за преобладающее влияние в процессе деколонизации Африки, Азии и Латинской Америки в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в.

Сверхзадача проекта — представить народам, осуществившим национально-освободительные революции, эффективную альтернативу «социалистическому пути».

По своей сути парадигма «модернизации» — это идеологическая, т.е. либерально-капиталистическая антитеза парадигме *тоталитарно-социалистического* «коммунизма». Она

обосновывает перспективу эволюционного (а не революционного!) перехода от обществ традиционных — сельских, аграрных, трайбалистских, с неразделенным религиозно-властным авторитетом — к обществам, определяемым как современные, т.е. урбанизированным, индустриальным, национальным, светским, с дифференцированным политическим авторитетом.

Теория модернизации как идеология устанавливает в качестве социальной нормы западные капиталистические общества и, соответственно, выявляет социальную «патологию» — восточные социалистические общества. Нормальные общества свободны и, следовательно, богаты. Ненормальные общества несвободны и, следовательно, бедны. По итогам «конца истории» оказалось не важно, что в реальности модернизация так и осталась «незаконченным проектом» отнюдь не в хабермасовском смысле. Богатые страны стали еще богаче, а бедные — еще беднее. Главный эффект теории — СССР не смог выиграть борьбу за третий мир и даже — за второй.

Таким образом, теорию модернизации в ее первоисточке можно назвать самым эффективным идеологическим оружием Запада в холодной войне на пространстве третьего мира.

2 Клоны второго мира

Некоторые советские ученые, читавшие в спецхранах американские книги, в конце 70-х позаимствовали теорию модернизации как научную альтернативу идеологическому марксистско-ленинскому анализу. Это стало возможно отчасти потому, что и «социалистический проект» (или так называемый тоталитарный) рассматривался некоторыми западными теоретиками как «модернизационный». Однако именно в кавычках, поскольку в конечном счете именно главной цели — собственно осовременивания — тоталитаризм не достигал. Об этой вторичной, подражательной «модернизации» как вынужденной «вестернизации» очень убедительно писал Теодор фон Лауэ: «На Западе тоталитарные эксперименты были заклеены как чудовищные проявления антигуманизма и террора. Однако как контрреволюции они всего лишь продвинули всемирную революцию вестернизации на шаг дальше (...) коммунизм и фашизм были не более чем идеализированными версиями западного («капиталистического») общества, в оболочке, которая должна была вдохновить униженных и обездоленных» [1].

Существовал и другой подход, сторонники которого предлагали считать коммунистический проект иной версией модернизации без кавычек. В частности, С. Хантингтон еще в 1968 г. предложил рассматривать СССР как вполне модернизированную политическую систему. Например, рассматривая феномен «преторианских» политических систем, в которых процесс модернизации осуществляется посредством решающего вмешательства военных, он отличает «институционализированные общества» как уже модернизированные. В них политические игроки достигают консенсуса относительно средств, с помощью которых решаются политические конфликты, «и группы, участвующие в политической игре, признают себя обязанными использовать эти средства. Это справедливо как для западных конституционных демократий, так и для коммунистических диктатур» [2]. Он же задал тему, так сказать, волн модернизации, которая в позднесоветской литературе воплотилась в теорию разных «эшелонов капитализма». В духе этой методологии историю России стали рассматривать как череду «догоняющих модернизаций» — в конечном счете неудачных (Петр I, Александр II, Столыпин, большевики).

Подытожил эту традицию А.Г. Вишневский в книге «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР». Его термин «консервативная модернизация» — оксюморон, который представляет модернизацию в СССР как соединение несоединимого: революции и архаики. По существу советская «модернизация» оказалась формой консервации российской «отсталости». «Усиленный революцией порыв российского общества к обновлению был мощным, но до либерального, западного варианта модернизации “снизу” оно еще не созрело. Оставался один путь — все тот же петровский путь модернизации с опорой на допотопные механизмы управления “сверху”. Он и вышел на первый план в новом большевистском проекте. “Тоги” французских революционеров довольно быстро слетели с плеч русских большевиков — нередко вместе с головами, и стало ясно, что в России 20-х годов жизнеспособной могла быть только такая стратегия преобразований, которая позволяла сочетать действительно революционную “инструментальную” модернизацию с консервированием многих основополагающих традиционных институтов и ценностей и опорой на них» [3]. Соответственно, задача постсоветской России понимается как последовательное отбрасывание архаики и доведение модернизации до изначально поставленной цели — построения «нормального» общества западного типа.

В этой версии «модернизация» представляет собой «вестернизацию».

3 Криптодоктрина

После распада второго мира (1989–1991 гг.) и самодискредитации коммунизма, парадигма модернизации оказалась идеологическим монополистом. И как таковая — в отсутствие «врага» — сама вынуждена была «модернизироваться». Теперь она существует в виде теории глобализации, которая предполагает безальтернативность либерально-капиталистической социальной нормы. А это означает, что не нужно бороться за следование ей и обещать кому-либо благоденствие вследствие свободы.

Каждая страна вроде бы предоставлена сама себе, но в условиях глобального рынка она «сама пойдет» туда, куда нужно. А главное, «бедность» страны теперь — это не результат неправильного «цивилизационного» (капитализм–коммунизм) выбора, а технологическая ошибка данного правительства. Поэтому нужно, чтобы сам «народ» через «свободные и честные» выборы бесконечно «менял власть» (справа налево, и наоборот), ничего, по сути, не меняя.

Иррациональная массовая вера в возможность лично «разбогатеть» (регулярно «подтверждаемая» сообщениями о миллионных лотерейных джекпотах, фильмом «Slumdog Millionaire» и т.д.) образует психологическую предпосылку интеграции в систему. «Демократия» поэтому есть и процедурный, и ценностно-нормативный механизм легитимации глобального капиталистического миропорядка. Политический *perpetuum mobile*, позволяющий трансформировать потенциальную энергию социального взрыва в кинетическую энергию возвратно-поступательного «топтанья на месте». Иными словами, демократия — это механизм стабилизации и увековечивания наличного социально-экономического порядка в национальном и глобальном масштабе. Поэтому она должна быть «демократией низкой интенсивности» (Самир Амин) — и никакой иной.

В современном мире единственным и достаточным критерием «модернизации» (если термин сохраняет смысл) оказывается... «демократизация». А причинно-следственная связь между «демократией» и «процветанием» признается взаимообратимой (см. EIU Index of Democracy).

4 Экономическая модернизация и ментальный премодерн

Первоочередная задача России в глобальном мире — модернизация экономики. Это означает переход от преимущественно ресурсно-сырьевой экономики к экономике диверсифицированной и инновационной.

Чем плоха ресурсно-сырьевая экономика? Не только зависимостью от конъюнктуры цен на глобальном рынке сырья. Основная проблема в том, что доход, получаемый в буквальном смысле «из земли», а не за счет производства конкурентоспособной высокотехнологичной продукции, регенерирует архаические, домодерновые психоповеденческие стереотипы. В первую очередь — на элитном уровне.

Именно поэтому генезис постсоветской элиты повторяет генезис советской. Модернизация по-большевистски — через революцию как разрушение государства — оказалась уничтожением всей российско-имперской цивилизационной надстройки. Тонкий культурный слой, наращенный за полтора века (от Екатерины II до Николая II), был беспощадно распылен как в институциональном, так и в кадровом смысле за три года Гражданской войны.

Поэтому модернизация неизбежно вылилась в мобилизацию архаики. А массовая ментальность российской архаики — это отсутствие частной собственности и общинный крестьянский земельный передел. Именно эта ментальность обусловила и технологию господства авангардной партии. Отсюда — перманентная революция Троцкого и перманентные элитные «чистки» Сталина — политический эквивалент перманентного общинного земельного передела.

Антикоммунистической революции как гражданской войны в последний год СССР не было. Но так называемая советская цивилизация исчезла в начале 90-х еще быстрее, чем в свое время имперская. Не понадобилось даже кадрового «распыла»: практически все прежде советские люди отказались от коммунистических идеалов в пользу собственной выгоды. Можно сказать, что вместо социальной революции мы пережили революцию моральную, которая однажды была удачно названа революцией без революционеров.

В первую очередь эту революцию совершила бывшая партийно-советско-хозяйственная номенклатура. Постсоветская элита оформилась на дележе советского «наследства» — на дележе собственности и власти. Но дележ ради потребления (=выживания), а не производство ради продажи (=развития) как раз и отличает общества досовременные от современных.

Советская индустриальная модернизация была не социопродуктивной, а геополитически-оборонительной. Производилось не то, что вело к изменению самой общественной ткани (структуры мотивации и деятельности человека), а то, что должно было защитить СССР как плацдарм «мировой революции». Главным продуктом была «безопасность»: правящей элиты от «врагов народа» (т.е. от самого народа) и народа — от «интервентов». Безопасность поддерживалась террором.

Модернизация как переход от общества «массового истребления» к обществу «массового потребления» могла получиться только за счет отказа от террора, т.е. получиться не могла. «Потребление» могла позволить себе лишь элита-номенклатура. Гласность раскрыла этот секрет полишинеля, ГКЧП как самопародийная попытка инсталяции террора позорно провалился. Общество «элитного потребления» рухнуло, не выдержав конкуренции с западным обществом действительно массового потребления. Вот, собственно, и вся тайна победы Запада в холодной войне.

Постсоветская элита, в массе своей возникшая из общества «номенклатурного потребления», никакой иной, кроме как досовременной быть не может. Поэтому она воспроизводит архаичные психоповеденческие стереотипы: перманентно делит собственность (рейдерство) и власть («несогласные»). При чем контрэлита (радикальная оппозиция) воспроизводит этос крестьянской общинной «демократии» — она за постоянный «передел» власти не на основании реальной поддержки со стороны населения, а по принципу «справедливости»: «Власть должна принадлежать всем, т.е. нам в первую очередь»!

В постсоветских условиях «бесхозных» ресурсов элитообразование пошло как возврат к элитному потреблению через этос массового истребления (открытый бандитизм). Сейчас формат «массового истребления» замещается форматом «черного передела» — рейдерства как квазимодернистского симулякра архаичной практики крестьянского общинного земельного передела. Общество снова возвращается в формат «элитного потребления» с накоплением энергетики массового взрыва под лозунгом «Даешь массовое потребление!»

Этот же этос бесконечного передела присутствует и в психоповеденческих установках радикальной оппозиции, которая относится к власти как передаваемой по кругу общей собственности. Троцкий из этого архетипа вывел теорию перманентной революции, наши радикалы — по сути представляют собой политический эквивалент «рейдеров-общинников» — археоавангардистский симулякр, требующий «черного передела». Они хотят не демократии, а собственного участия во власти с перспективой собственной монополии на власть. И потому требуют «перманентного передела» власти.

Психоповеденческий стереотип «передела», т.е. отъема собственности и власти — и есть та ментальная архаика, которая препятствует завершению экономической, социальной и политической модернизации в России.

Отказ от этого стереотипа, от модели общества «взаимного истребления» (и, неизбежно, «элитного потребления» в пользу модели общества «взаимной полезности») — вот путь исторически обусловленной национальной модернизации. Отказ от «кровожадной идеологии» — условие создания нации, которая не есть сумма конкурирующих между собой индивидов, а сложная иерархически-сетевая структура взаимных дополнений. Модернизация состоится тогда, когда включится национальный мультипликатор индивидуальных усилий. А это и будет проявлением инновационной социальной среды.

Пока действуют архаичные стереотипы перманентного передела, вся инновационная активность носит асоциальный, разрушительный характер — выдумываются изощренные коррупционные схемы и технологии мегахищений. Декриминализация инновационной активности — одновременно и условие, и главный результат модернизации.

5 Сценарии социальной модернизации

Модернизация начинается с боли. С личной душевной и почти физической боли за страну. Эта боль выражена президентом Д. Медведевым («Россия, вперед!») в формуле трехголового зла, которое одолевает Россию: устаревшая экспортно-сырьевая экономика, коррумпированная бюрократия и патернализм как провоцируемая «снизу» установка «верхов». Если развернуть эту формулу, то получается вот что:

— **экономика** — экспорт полезных ископаемых на глобальный рынок и импорт товаров народного потребления (от предельной роскоши до запредельной дешевизны) на рынок внутренний;

— **государственное управление** — превращение законных обязанностей по предоставлению общественно-востребованных услуг за определенную обществом плату в незаконные права на взимание платы с граждан и бизнесов за допуск к услугам;

— **доминирующий психотип** (менталитет) — анархистейтизм; недоверие к власти, неверие во власть, личная апатия и публичная пассивность, но гипертрофированная публичная вера в государство и личное ожидание от него благоустройства всей жизни.

Эти три параметра можно считать тремя измерениями того социального пространства, в котором действует политический режим постсоветской России. Он является формой инверсивной легитимации российского социума, поскольку сам как продукт демократии легитимируется голосующим большинством. Это большинство (приблизительно 14 млн. бюджетников и 40 млн. пенсионеров) неизбежно является *патерналистским*, и его лояльность «покупается» сырьевым бюджетом.

В результате мы имеем патерналистско-демократический симбиоз. Прямая зависимость половины избирателей от «кормящей власти» делает их неизбежными сторонниками, а власть — неизбежно зависимой от экспортно-сырьевой экономики *быстрой* прибыли в условиях демократии.

Таким образом, тезис о том, что причиной нашей «отсталости» является *авторитарный* режим, и, следовательно, преодоление отсталости — модернизация — должно начинаться с демократизации режима есть либо грубейшая методологическая ошибка, либо *идеологический* (квазитеоретический) аргумент, используемый одной из контрэлитных групп в борьбе за власть и собственное авторитарное лидерство.

В случае победы (не ясно, правда, каким способом) этой группы ее лидерство будет неизбежно авторитарным, поскольку оно не будет базироваться на восторге большинства. Тезис демократизации большинству непонятен, поскольку большинство имеет нынешнюю власть, которая его обслуживает, на вполне демократических основаниях. Поэтому всякая «другая власть», т.е. власть, разрушающая вышеописанный симбиоз, может появиться лишь как результат революционного насилия над большинством.

«Другая власть» может позиционировать себя как репрезентанта других поколений (условно — «поколения М»). И постараться сконструировать свое «модернизационное большинство» — антипатерналистское и прозападное.

Но такая ставка на поколенческую революцию едва ли оправдана. Ситуация в России с этой точки зрения принципиально антиреволюционная: «верхи» (старшие — бюджетно-пенсионерские поколения) ничего не хотят (кроме «больше денег»), а «низы» (младшие — учащиеся и самозанятые поколения) ничего не могут. Они не могут сделать того, чего от них ждет «другая власть», — обеспечить ей электоральное преимущество под программу «демократизации». А то, что они действительно могли бы, — творчески и инновативно реализовать себя в экономике и государственной службе — не востребовано сложившейся социальной системой, продуцирующей соответствующий политический режим.

В конечном счете мы приходим к основной альтернативе в понимании «модернизации»: программа «другой власти» ясна — смена режима как переход от демократического статус-кво к неизбежно авторитарной модернизации. Программа режима — модернизация «на основе демократических институтов и ценностей».

Но как разорвать сложившийся властно-патерналистский консенсус? Как начать социальную модернизацию, т.е. смену трех измерений («несущих стен») российского

социума даже при согласии на это (в виде высоких рейтингов доверия президенту и премьеру) патерналистского «большинства»?

Понятно, что модернизировать Россию — значит победить триединое зло. Но что первично в этой триаде? За какое звено нужно взяться, чтобы вытянуть всю цепь? Тут возможны три варианта.

Вариант А — «Экономический прорыв». В этом варианте возможны два пути.

Путь первый. Государство инвестирует в высокотехнологичные отрасли, которые в будущем должны производить глобально конкурентную продукцию, менять структуру экспорта и снижать зависимость России от конъюнктуры сырьевых цен. Чтобы стать результативными, инвестиции должны быть настолько объемными, что неизбежно придется сократить потребление, заморозить пенсии, все пособия и зарплаты на уровне 2010 г. При сохранении демократии в перспективе избирательного федерального цикла 2011–2012 гг. это создает угрозу потери электоральной базы модернизаторской власти и перетока ее конкурентам. К КПРФ с лозунгом модернизации «Вперед — к социализму!». И к ЛДПР с лозунгом «Мы за русских, мы за бедных!»

Разумеется, социал-националистический реванш в духе декабря 1993 г. допущен быть не может. Такое нарушение стабильности вряд ли окажется «развитием», а, скорее всего, приведет к глубокому откату с достигнутых рубежей. Следовательно, в ближайшие два года возможны лишь такие инвестиции, которые не приведут к сокращению социальных программ. А после победы на выборах 2011–2012 гг. режим при увеличенных сроках legislatury и президентства будет располагать большими возможностями для непопулярных мер.

Скажем, заморозка всех социальных выплат на период 2013–2014 гг. может дать ухудшающий политический эффект, который компенсируется экономической отдачей и новыми социальными вливаниями в 2015–2016 гг. Разумеется, ключевыми задачами макроэкономического регулирования становятся снижение инфляции и замораживание тарифов естественных монополий, чтобы снижение реально располагаемых доходов населения было минимальным.

Кроме политических рисков, серьезным препятствием в этом варианте является высококоррупцированная среда, в которой государственные инвестиции могут быть попросту разворованы. При этом риски прямо пропорциональны размерам инвестиций: чем они крупнее, тем выше вероятность воровства. За счет большого объема украденных денег открываются большие возможности коррумпирования контрольных органов на самых высоких управленческих уровнях. Может ли тут помочь опыт реализации национальных проектов с принципом по сути «комиссарского» администрирования?

Путь второй. Государство создает максимально благоприятный инвестиционный климат для венчурных инвестиций в принципиально новый высокотехнологичный отечественный бизнес либо дает гарантии под кредиты такому бизнесу. Тогда можно по-прежнему использовать ресурсную ренту для поддержания социальной стабильности и не допускать рисков политической дестабилизации.

Этот вариант политически предпочтителен, но инвестиционный климат в стране недостаточно благоприятный, а в связи с продолжающимся «делом ЮКОСа» он едва ли улучшится. Международные рейтинги коррупции, свободы и пр. тоже делают свое отрицательное дело: стратегически инвестировать в страну с неопределенным статусом собственности и неопределенным долгосрочным результатом найдется мало желающих. Следовательно, мы и тут упираемся в проблему коррумпированной бюрократии.

Вариант В — «Антикоррупционная революция». Основная мера — начать менять бюрократию. Путь один — сокращение численности (по модели МВД — минимум на 20%), увеличение окладов, но сокращение полномочий, однозначное прописывание функций каждой должности, сроков предоставления общественно востребованных услуг и административно-уголовной ответственности за нарушения условий контракта.

Эффективной антикоррупционной мерой будет переход на принцип фактически партийных правительств — как федерального, так и региональных и местных. Все министры и администраторы должны быть членами правящей партии с тем, чтобы угроза коррупционных разоблачений и вообще неэффективная деятельность ставили под угрозу электоральный результат. Все руководители исполнительной вертикали должны стать политиками, а не «замкнутой кастой» — неприкасаемой и безответственной. Премьер должен подать пример первым.

Модернизация бюрократии несет в себе риски внутриэлитного раскола, саботажа и попыток поиска политических механизмов «сопротивления». Например — возможность использования «второй партии власти» как опоры «обиженных» с целью выстраивания внутривластных противодействий, а также с надеждой резко расширить свое электоральное поле.

Вариант С — «Новая идентичность». В этом варианте предстоит начать менять менталитет. Единственный путь — стимуляция всех возможных видов самозанятости, что позволит снизить объемы патерналистской опеки и, следовательно, зависимость от сырьевого экспорта. Часть доходов от экспорта можно будет перенаправить в государственные инвестиции в инновационную экономику.

Но и здесь вновь все упирается в коррумпированную бюрократию, во многих случаях сросшуюся с криминалом: всякая деятельность, приносящая доход гражданину, немедленно подвергается атаке с двух сторон — бюрократии и бандитов. Бандитский рэкет в 90-е гг. фактически уничтожил в России мелкое предпринимательство — массовый малый бизнес. Именно это оставило государство один на один с моментально обнищавшим народом и привело к необходимости манипуляций с выборами в 1996 г. — лишь бы не допустить коммунистического реванша.

Нужно обеспечить молодому поколению максимальные возможности для малого бизнеса — только так может быть преодолен патернализм, убивающий в зародыше саму идею модернизации. Вопрос: как нынешние правоохранительные органы будут выполнять функцию защиты предпринимательства от бюрократически-бандитского симбиоза?

Очевидно, что все три варианта модернизации встречают одно и то же основное препятствие: коррумпированную и поэтому криминализированную бюрократию. Следовательно, первая неизбежная фаза успешной модернизации это «антикоррупционная революция». Но нужно признать, что борьба с коррупцией — это борьба с образом жизнедеятельности практически всех групп государственных служащих (в широком смысле слова).

Не существует институциональных ограничений коррупционного поведения для любого гражданина, нанятого государством для исполнения какой-либо общественной функции. Любая возможность использовать публичную власть в личных интересах будет использована, как только данный личный интерес найдет групповую или корпоративную поддержку.

И тогда заработает обратный механизм: никакая личная порядочность не защитит гражданина, нанятого на госслужбу, от группового или корпоративного принуждения к

коррупции. В пределе госслужба вообще становится доступной только после первоначального коррупционного «взноса».

Есть ли выход из этого порочного круга? Каким образом получилось, что «свобода» 1991-го превратилась в безысходное «рабство» у трехголового зла? И можно ли освободиться от этой безысходности?

6 Модернизация — метафора свободы

Основной парадокс постсоветского развития России заключается в том, что внешне оно осуществлялось как этапы «освобождения», как различные фазы *негативной* свободы. В 90-е гг. мы прошли этап освобождения от «коммунизма». В нулевые — через освобождение от тех, кто хотел либо приватизировать страну (олигархи), либо развалить ее (сепаратисты и международные террористы).

И только сейчас наступает время, когда негативная «свобода от» перестает быть насущной необходимостью, иначе говоря, заканчивается наша несвобода как зависимость от неотступных угроз. Более насущной становится позитивная «свобода для»: коллективной самореализации, проявления национальной самобытности, перехода от жизни по традиции к жизни как инновации. Точная формула этого этапа такова: «Свобода лучше, чем не свобода».

Каково должно быть политическое воплощение этой формулы? Имеет ли смысл призыв к «демократизации» и «либерализации» как инструментам или даже условиям модернизации?

Политика — это сфера общественной свободы, которую не нужно путать со свободой личности (или со свободой воли бессмертной души). Это то место, где сходятся различные представления об общем благе, различные интересы, разные образы будущего. Поэтому политика неизбежно предполагает конфликт и соревновательность.

Но у этого столкновения интересов есть два ограничителя.

Первый ограничитель — целостность должна предшествовать раздору, т.е. политика не должна превратиться в игру с нулевой суммой. Все должны что-то выигрывать, даже проиграв непосредственно (не победив абсолютно), все должны оставаться вместе при любом исходе и при этом — не силой победителя, а согласием каждого.

Второй ограничитель — в обществе должна существовать критическая масса независимых (самодельных) индивидов, не кормящихся непосредственно от власти, т.е. людей, чей интерес — сохранение общественной свободы.

Значит, речь идет о создании нации не как гомогенной тотальности, а о структурированной целостности, в которой драйвером национального единства выступает условный «средний класс» — люди, способные сами творить собственную жизнь. Он средний не в аристотелевском смысле (не очень бедный, не очень богатый) и не в американском (по уровню доходов и потребляемых благ). Он средний по-русски — как особая социальная группа между «бюрократией» и «бюджетниками». И именно ему нужна модернизация не как внешний кем-то придуманный «пятилетний план», а как способ свободной самореализации. Модернизация — как политика, своя политика в «сшибке» конкурирующих проектов будущего.

Очевидно, что так понятая модернизация — это восстание против масс. Это попытка переформатировать самих себя, избавившись от трех главных зол: патернализма, коррупции и сырьевого паразитизма.

Но патернализм есть резидиум советско-коммунистической социальности, есть нормальный образ жизни сначала миллионов советских трудящихся, а ныне тех же

трудящихся, ставших пенсионерами. Кто, кроме государства, обеспечит их жизнь, даст зарплату, пенсию, пособие?

Но коррупция есть неизбежное следствие патернализма, поскольку чем больше обязательств у «государства», тем больше «слуг народа» и тем многочисленнее их функции. И каждую функцию они легко конвертируют в источник личной прибыли.

Но сырьевой паразитизм есть неизбежное следствие господства бюрократии, которая по природе не предназначена создавать, а существует только, чтобы распределять. Если же производство благ перестало быть государственной функцией (коллапс социалистической экономики), то распределять можно лишь то, что достается «само собой» — извлекается из земли (ресурсы) и людей (налоги). И чем больше удастся извлечь таким образом, тем хуже перспектива выхода из порочного круга «патернализм–коррупция–сырьевая экономика». Количество бюджетников будет только расти, доходная база сокращаться, а потребности, как минимум, не снижаться.

Значит — нарастание патернализма, следовательно, усиление бюрократической коррупции, следовательно, подавление всего, что есть в обществе творческого, свободного, инновативного. Выдавливание модернизационного потенциала за границу. И поэтому неизбежное сужение пространства свободы как политики.

Мы снова попадаем в замкнутый круг диалектики постсоветской свободы, но на этот раз с надеждой на выход:

— в 90-е гг. свобода пришла как негативная в буквальном смысле — как *свобода государства от своих обязательств перед гражданами*, как свобода каждого умирать и свобода страны распадаться;

— в нулевые *государство вернулось как ограничитель свободы* тех, кто наживался на его отсутствии — сепаратистов и олигархов;

— сегодня *государство ставит задачу освобождения от себя самого*, и оно призывает к модернизации как *обретению свободы* — для себя, свободы от непосильной и неразрешимой задачи, и *свободы для всех* — в новом формате инновационной жизнедеятельности, независимой от распределяющей ресурсные доходы бюрократии и потому держащей всю страну в капкане тотальной коррупции.

7 Модернизация как самоконструирование нации

Пора осознать, что модернизация — это последний шанс для России, что не-развитие неизбежно означает деградацию. А деградация в глобальном мире ведет не только к failed state, но и к исчезновению нации. Пример такого быстрого и практически ненасильственного исчезновения дал распавшийся СССР с его «новой исторической общностью» — «советским народом».

В преамбуле нашей Конституции говорится о «многонациональном российском народе», но в реальности никакого «народа» нет. «Народ», так же, кстати, как и «класс», возникает только тогда, когда встречается в смертельной схватке с «врагом», идентифицируемым как «другой народ». Это открытие Карла Шмитта нагляднейшим образом подтверждается нашей гиперпривязанностью к исторической памяти победы в Великой Отечественной войне.

Чем дальше победа — тем торжественнее празднование очередной ее годовщины. И это именно потому, что «праздник со слезами на глазах» — по сути единственная и

относительно эффективная скрепа, удерживающая провозглашаемый в Конституции «народ» в весьма относительно и очень хрупком единстве. Насколько оно относительно и хрупко, продемонстрировали события 11 декабря 2010 г. на Манежной площади в Москве и в ряде других городов.

Гибель одного человека в бытовой драке, но с участием разных национальностей с каждой стороны едва не обернулась масштабным межнациональным конфликтом с потенциалом перерастания в конфликт социально-политический. Это напрямую говорит о том, что россияне пока еще находятся под влиянием центробежных тенденций, разрушивших Советский Союз. Что мифология «единого народа» мешает осознать совсем другую и весьма грозную реальность: отсутствие русских как единой политической нации всех граждан России.

Почему же именно русских? И не является ли такой подход проявлением великодержавного шовинизма, который еще скорее расколет страну, нежели так называемый защитный национализм малых наций? Вот это и есть ключевой вопрос модернизации, ответ на который может быть примерно таким.

Споры о том, что такое «русскость» и кто такие «русские», обычно сводятся к противостоянию двух полярных точек зрения. Одна настаивает на «русскости» как фундаментальной этнической характеристике некоего исторически данного человеческого сообщества. Наиболее рельефно этот подход выражен историком В. Соловьев, утверждающим, что «народ как целостность изначально существует в этническом качестве, и это внутреннее единство сохраняется над (или под) всеми социальными, политическими, религиозно-культурными, идеологическими и иными барьерами и размежеваниями. Этничность не только онтологична, она является более фундаментальным фактором истории, чем экономика, культура и политика» [4]. Согласно другой точке зрения, «русскость» — это принадлежность к некоему внеэтническому феномену, определяемому как «русская культура». Наиболее убежденным сторонником этого подхода выступает Г. Павловский. В лекции «Русский вопрос в российской политике», прочитанной в «Государственном клубе» в 2006 г., он утверждал: «Русская культура — это не культура русских. Это культура, изготавливающая русских. И это важное, очень важное свойство русской культуры. Оно проявилось сравнительно недавно. В старые времена, еще в России, людей не называли русскими. Кем был русский? Православным человеком, живущим в русской земле. Землю называли русской, а людей православными... Склонность к самопожертвованию связана с вполне эгоистической задачей русской культуры: в максимальной степени работать как машина по производству русского человека, которого она рассматривает не как племенного человека, а как человека, который в некоем идеальном состоянии тождествен человеку мира. Русская культура строит на территории государства, которое она занимает, мир, человечество. И поэтому очень нервно относится к попыткам превратить русского в этническое понятие» [5].

Оба подхода, однако, базируются на равно недоказуемых предпосылках. Примордиалистскую гипотезу до сих пор не удастся подкрепить валидным свидетельством наличия этничности как устойчивого и сохраняющегося в истории биогенетического «кода» данного «народа». А гипотеза о том, что «русская культура» производит «русских», грешит тем, что называется *qui pro quo* — перестановкой «изготовимого» и «изготовителя». Ведь очевидно, культура, чтобы именоваться русской, должна сама откуда-то получить это качество. Иначе почему она называется именно русской?!

Мне представляется, что, связывая эту антиномию с проблемой модернизации, есть смысл отказаться — как это ни парадоксально — от феномена «русскости» как уже наличной

данности и определить его скорее как *национальное задание*. Как самый главный национальный проект, понимаемый как конструирование русской нации из постсоветского «народа».

Это оправдано хотя бы с той точки зрения, что в истории всех постимперских народов задача создания нации вполне ясно сознавалась. Конечно, тут в первую очередь вспоминается Мадзини с его знаменитой формулой: «Мы создали Италию, теперь нужно создавать итальянцев». Только с той поправкой, что в середине позапрошлого века задача создания нации не была обременена столь высококонкурентной глобальной средой.

Насколько непросто и нескоро этот процесс, свидетельствует раскол современной Италии на «Север» и «Юг». Но нам эта историческая аналогия не может служить примером и утешением. Мы должны, если хотим сохранить свое суверенное государство, постараться как можно скорее стать *многоэтнической русской нацией*. И на это есть шанс, если каждый гражданин России (оставаясь как частное лицо со своей этнической идентичностью) осознает «русскость» как способ осуществления модернизации, как перспективу интеграции не на основе вышеупомянутого «трехголового зла» (что есть на деле путь к окончательной дезинтеграции), а на принципиально иной основе.

В этом смысле сама нация как задание может стать «национальной идеей», порождающей «русских» как коллективного субъекта, притязающего на «приватизацию будущего» [6]. Но важно подчеркнуть, что критерием осуществления модернизации как самопостроения нации может быть только успех России в глобальной конкуренции. А он, этот успех, никак не может быть гарантирован априори. В этом смысле модернизация есть для каждого из нас становление русскими. И только таким образом утверждение России будущей.

Литература

- 1 Laue Th. von. The world revolution of westernization: the twentieth century in global perspective. — NewYork: Oxford, 1987. P. 6.
- 2 Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 205.
- 3 Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. — М.: ОГИ, 1998. С. 36.
- 4 Соловей В. Кровь и почва русской истории. — М.: Русский Миръ, 2008. С. 28.
- 5 Павловский Г. Русский вопрос в российской политике. URL: <http://www.globalrus.ru/opinions/783477>.
- 6 Сурков В. Тексты 97–07. М.: Европа. С. 43–57.